

АННА АРТЕМЬЕВА

18+



ЗА КУЛИСАМИ
её сердца

18+

Анна Артемьева

За кулисами её сердца

«Автор»

2026

Артемьева А.

За кулисами её сердца / А. Артемьева — «Автор», 2026

На сцене — звезда. За кулисами — пленница. Пелагее Малининой — 26. Со стороны её жизнь кажется идеальной: успешная театральная карьера, овации, внимание. Но за кулисами — токсичная связь, из которой нет лёгкого выхода. Егор — её женатый любовник и бывший преподаватель. Он научил её всему, устроил в театр и держит страхом, влиянием, чувством вины и обещаниями, от которых трудно отказаться. Но всё меняется, когда в театре появляется Стас. Он молод и искренен, и влюбляется в Пелагею с первого взгляда, становясь шансом на другую жизнь. На любовь без боли. На отношения без унижения. На право быть собой. Но сможет ли Пелагея разорвать связь с прошлым, когда на кону её карьера, репутация и будущее? И что окажется сильнее — привычная зависимость или чувство, которое может её спасти?

© Артемьева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Его любовница	6
Глава 2. Его студентка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Артемьева

За кулисами её сердца

Глава 1. Его любовница



– Ты такая неуловимая, Поля, – шептал Егор, нетерпеливо сжимая меня в объятиях и грубо кусая шею в разных местах. – Сейчас я будто первый раз буду тебя трахать.

– От тебя вообще следует бежать без оглядки, просто я – дура, – парировала я, с удовольствием принимая его жестокие поцелуи и прикосновения.

Мы завалились к нему в квартиру, не разрывая объятий. Мужчина больно прикусывал мою нижнюю губу, придушивал и уже порывался стянуть майку. В коридоре мы нетерпеливо сбросили обувь и сразу последовали в спальню. Егор обещал, что сегодня у него дома никого не будет и мы спокойно сможем заняться сексом после месяца разлуки.

Я запустила руки в густую копну тёмных волос своего любовника и сжала их между пальцев. Жёсткие, как щётка. Егор одобрительно простонал мне в губы, а я стянула с мужчины водолазку и наградила поцелуями его подтянутые плечи и грудь. Со злости хотелось его укусить: как он мог опять бросить меня так надолго? Почему не отвечал на звонки? Терпеть не могу Егора, но к нему безумно тянет. Сколько раз я убегала от него, но прибегала вновь, вставала на колени и делала то, что он любит больше всего. И сейчас я хотела сделать то же самое: растёгивала ремень на его джинсах, параллельно возбуждаясь на его стояк и забирая волосы назад. Но Егор меня остановил:

– Стой, моя маленькая, – прошептал он, беря меня за подбородок и поднимая на ноги. – Я ценю твою инициативу, но сегодня я буду диктовать правила.

Я порывисто кивнула. Между ног у меня давно зудело возбуждение, отправляя импульсы по всему телу. Мне даже показалось, что началась аллергия: хотелось в кровь расчесать кожу, но вместо этого я, затаив дыхание и опустив руки вдоль тела, внимала Егору. Боже, я была согласна на всё, лишь бы он довёл меня до разрядки!..

– Скажи мне, Поля, у тебя в ближайшее время будут спектакли, где твои плечи будут закрыты? – мужчина томно провёл кончиком указательного пальца по моей зоне декольте. – Хочу оставить на них пару-тройку «глубоких» поцелуев.

– Ближайшие недели всё с закрытыми плечами, – ответила я, не понимая, нравится мне его идея или нет. Я люблю, когда он меня так «помечает», но потом в театре приходится ходить с длинным рукавом и высоким горлом, чтобы никто из коллег не увидел засосов.

– Отлично, – Егор резко дёрнул меня за руку, опрокинул на кровать и навалился сверху. Я не успела понять, что происходит, как он тут же вцепился в мои губы своими, снова грубо укусив верхнюю и проведя языком по дёснам. Я ответила ему таким же грубым, бессовестным поцелуем, и обхватила ногами его торс. Мужчина довольно хмыкнул и стянул с меня майку, а затем принялся оставлять засосы на ключицах и ложбинке между грудями. Я извивалась и таяла, как шоколад на солнце, под его настойчивыми ласками, где-то в глубине сознания понимая, как это мерзко. Но эта запретная связь, эта беспощадность, это неистовое желание побыть жертвой было сильнее моральных устоев. Этот мужчина был воплощением моих самых тёмных желаний, и никто другой никогда бы не исполнил это так, как он. Именно поэтому я не могла уйти от Егора, даже когда он обращался со мной как с тряпкой...

– Сегодня я бы хотел отыметь тебя везде и по-всякому, Пелагея, – заявил он, стягивая с меня джинсы, а потом упираясь стояком между моих ног, – за все недели, что ты бегала от меня. Жаль, что ты не сможешь хорошенько покричать – соседи услышат. Вот если бы мы были у тебя дома, тогда всё было бы иначе.

– Пофиг на соседей, главное, чтобы из твоих никто не вернулся, – бросила я, снова запуская руки в его волосы. У Егора были густые кудрявые волосы с большим объёмом и округлой формой.

– Марго в командировке, а мелкая в школе, придёт не скоро.

Да, Егор был давно женат. Я не задавалась вопросами о том, каково будет его жене, если она узнает, не чувствовала себя разрушительницей семьи, я просто однажды влюбилась в него и

уже не могла вернуть себе рассудок. Да, с годами чувства притупились, но оставалась большая страсть и желание отдаваться ему самыми грязными способами.

Вдруг Егор достал из-под подушки галстук и потянулся к моим запястьям.

– Сегодня ты не будешь меня трогать, Поля, – сказал он, связывая мои руки. Он старательно прикусывал губу, его тёмные глаза горели жадным пламенем хищника, который голодал неделями и вот наконец нагнал жертву и готов был её растерзать. – Сегодня ты будешь кусать свои губы в кровь, умоляя меня не останавливаться, – мужчина приблизил своё лицо к моему. Теперь я видела каждую его морщинку, в которой пряталась злоба и большое желание обладать. – Или, наоборот, будешь умолять меня остановиться, потому что я планирую сделать тебе больно.

Я кивнула, слегка раздвинув ноги, а Егор уже начал расстёгивать джинсы, чтобы сделать то, ради чего мы сюда пришли. Но всему помешал звук ключей во входной двери....

– Кто это? – я мгновенно вскочила и попыталась развязать руки.

Раскрасневшееся от возбуждения лицо Егора тут же побледнело. Мужчина подался вперёд, схватил меня за запястья и привлёк к себе. Мы оба молчали и прислушивались к открывающейся двери.

– Ключи только у дочки и жены, – взволнованно прошептал Егор мне в лицо, параллельно вслушиваясь в то, что происходит в коридоре. – Не могла же она...

– Развяжи меня для начала, – потребовала я, тыкая в него связанными руками.

– Пап, это я, – крикнул юный девичий голос из коридора. Это была Алесья, четырнадцатилетняя дочь моего любовника. – Нужны деньги на еду, у меня телефон сел.

– Твою мать, – прошипел Егор в сторону, а потом крикнул более доброжелательным голосом, – да, сейчас, подожди меня в коридоре, не разубайся.

– Мне что делать? – произнесла я одними губами.

Егор молча дотянулся до дверцы шкафа позади нас, толкнул меня туда, даже несмотря на моё сопротивление, закрыл двери и вышел из спальни. Заслуженно, Пелагея: теперь ты впервые сидишь в шкафу, как все «нормальные» любовницы. Ещё и в белье со связанными руками. Так что, если тебя найдут, ты не сможешь даже отбиваться, как все нормальные люди, придётся просто бежать. Позорище...

– Пап, ты не один? – спросила дочь Егора. Мне кажется, она даже попыталась заглянуть в комнату, но мужчина её попридержал.

– Нет, я один, – раздражённо ответил он, – вспоминаю роль – ты же знаешь, что меня нельзя беспокоить. Держи деньги и иди, Лесь, – я услышала шелест купюр.

– Кто наличкой сейчас платит, пап? – проворчала девочка.

– Вот, держи ещё сверху тысячу, задержишься подольше в своей кафешке.

– Хорошо, я приду, как скажешь, па, – кажется, она усмехнулась. Как будто всё поняла, как будто всё знала, просто делала вид дурочки, играла так же искусно, как её отец на сцене.

Меня затошнило. По моему телу прошёлся разряд неприятия, вины и стыда. Я вдруг поняла весь масштаб происходящего: я в квартире женатого мужчины, с которым в отношениях уже семь лет – да и разве можно назвать это отношениями? Он пользуется меня как куклу, а потом пропадает на несколько недель. Я хочу уйти, а он меня возвращает своими признаниями. Сколько раз он говорил своим гипнотическим голосом с идеальной дикцией, что я совершенна, что он только один на всём свете понимает и любит меня? И... он был прав. Родителям я не нужна, сестре тоже, бабушка умерла, а больше мужчин в моей жизни не было. Да и зачем они мне, если большую часть времени занимает театр, где я могу хоть немного почувствовать себя нужной и востребованной? А помимо театра есть Егор, с которым мне умопомрачительно комфортно в эмоциях и постели, большего и не надо... Но это неправильные отношения, и я хочу из них выйти.

В унисон моим мыслям дверь в шкаф открылась, и сверху вниз на меня посмотрел Егор, недобро сверкая тёмными глазами.

– Она ушла, – объявил он. Видимо, я настолько погрузилась в свои мысли, что не услышала, как хлопнула дверь.

– Отлично, я тоже хочу уйти, – устало протянула я, встала и хотела выйти из шкафа мимо Егора, но он преградил мне путь.

– Ты никуда не пойдёшь, Поля, у меня на тебя планы, – он вцепился в мои плечи.

– Я не хочу, – снова попыталась уйти, но Егор резко дёрнул меня за руки и бросил на кровать. Я вскрикнула и рефлекторно пнула его ногой в живот, но Егор резко подался вперёд, стянул с меня трусы и принялся расстёгивать свои джинсы.

Во мне коброй поднялась злость. Рот наполнился слюной, кожу на лице изнутри опалило жаром, а в руках и ногах появилась неистовая сила. Я бросилась на мужчину и попыталась повалить его, но всё же Егор был сильнее и крупнее меня. Он с серьёзным лицом вернул меня на место, стянул свои джинсы до конца и навалился на меня.

– Пусти, – прошипела я, – я же сказала, не хочу. Это будет изнасилование.

– Считаешь меня насильником? – зарычал Егор. Двумя руками он схватил мои связанные запястья и поднял вверх. А головка его члена уже плотно упиралась мне в вагину. – Ты же сама хочешь этого, Поля. Хочешь, чтобы над тобой издевались, ломали и бросали. Но меня это возбуждает. Каждый раз, когда ты пытаешься сопротивляться, ты заводишь себя и меня ещё больше.

– Сегодня я не закончу с тобой, – пообещала я. После его слов злость уходила, оставляя место беспомощности. Теперь я щенок в лапах живодёра.

– Ещё как закончишь, – сказал Егор и вошёл в меня резко и на полную длину.

Я вскрикнула. Боль, а за ней и нарастающее удовольствие пустили беспощадный разряд по моему телу. Второй толчок был ещё более болезненным, и я вскрикнула снова. А Егор смотрел на меня взглядом деспотичного демона, который хотел разорвать моё тело в клочья.

Соппротивляться я не пыталась. К сожалению, Егор был прав: я люблю боль и подчинение, другого мне не дано. Поэтому логично, что мы столько вместе и он каждый раз делает это со мной.

Каждый толчок приближал меня к оргазму. Казалось, внутри рвётся всё, но эта разрывающая боль уносила меня на другие планеты и давала такой бешеный заряд адреналина, за который я была готова отдать жизнь.

Егору не нужно было много времени: после миссионерской позы он поставил меня на четвереньки, прижал рукой к постели и быстренько дотраhal, закончив внутрь. Ощущение его семени внутри, ощущение его веса на мне и запаха его парфюма и тела выбили из меня оргазм: тело задрезбужало, а влагалище сжало уже мягкий член.

Егор резко поднял меня за волосы, чтобы моя голова оказалась параллельно его, и прошептал в ухо:

– А говорила, не закончишь, Поля, – прикусил мочку моего уха и поцеловал в щёку. – Ты не представляешь, как я каждый раз кайфую, когда ты кончаешь со мной, – с этими словами он развязал мои запястья и я бессильно упала на кровать. – Если ты подмоешься, я тебе потом и куни сделаю.

– Не в этот раз, – вздохнула я, потирая покрасневшие запястья, – мне нужно учить роль.

– Жаль. Тогда тебе лучше идти, чтобы я не набросился на тебя, – с этими словами Егор лёг рядом и погладил меня по голове, а затем нежно и чувственно поцеловал в губы. Как будто извинялся за всё то, что делал со мной до этого. Он редко целовал меня нежно, и это было скорее одолжение, чем проявление любви.

– Ага, – с этими словами я встала, сходила в душ и потом оделась. Голова гудела от предательских чувств по отношению к себе: я искренне не хотела такого обращения, но тело

каждый раз подводило, диктуя свои порочные правила. Всё это время Егор прохлаждался на кухне.

– Выпей со мной вина и поешь роллов, специально для тебя заказал, – сказал мужчина, когда я туда зашла. На столике стояло два бокала с игристым и сет Филадельфии.

– Я не хочу, – я прижалась к дверному косяку и глупо улыбнулась улыбкой девушки, которая счастлива от такого жеста. Но на самом деле мне было всё равно.

– Ты обиделась? – осторожно поинтересовался Егор.

– Нет, я просто хочу домой, – с этими словами я собралась, но мужчина не хотел меня так просто отпустить.

– Хочешь, мы как-нибудь сгоняем в дом на природе? Как это у вас у молодёжи называется?

– Глэмпинг, – подсказала я.

– Вот, да. Только ты и я, Поля, – Егор было потянулся поцеловать и обнять меня, но я быстро чмокнула его в щёку, пообещала перезвонить и вышла прочь из квартиры.

Когда я спускалась на лифте, мне пришло сообщение от мамы:

«Поздравь Настю. У неё сегодня День рождения».

Я закатила глаза. Настя – моя сестра, которую родители обожают, а я, по их мнению, просто ошибка природы. Сестра может не звонить месяцами и не поздравлять меня с праздниками, а я – будь добра всегда!

– Да пошли вы все, – сказала я в пустоту. Лифт приехал, я вышла и уныло побрела в квартиру, где меня никто не ждёт...

Глава 2. Его студентка



7 лет назад

– Давай резче, Лю, где-то здесь должны быть наши места, – мы с одноклассницей спешно ходили по зрительному залу в театре драмы. Театр выписал нам контрамарки по просьбе деканши, но почему-то все служебные места были заняты.

– Похоже, будем смотреть, стоя на галёрке, Поля, – вздохнула Люба и надула губы.

– Ой, иди ты, – я подбежала к первому попавшемуся капельдинеру и объяснила ей, что мы студентки театрального, пришли смотреть спектакль по контрамаркам в учебных целях, но свободных мест совсем нет.

– Садитесь в директорскую ложу, девочки, она всё равно пустует, – капельдинер мягко улыбнулась и указала на ложу рядом со сценой, где никого не было. – А если кто будет спрашивать, скажите, что вы сотрудники театра. Ведь кто знает, может, после выпуска вы будете работать у нас, – женщина подмигнула.

Мы с Любой победно улыбнулись и последовали в ложу. Большая редкость, когда студентам дают козырные места, обычно мы смотрим спектакль с галёрки, и то, если повезёт.

Мы пришли на «Мориарти» – спектакль-триллер про главного врага Шерлока Холмса. Деканша сказала, что материал восхитительный. Что уж говорить про актёров... В театр драмы берут сильнейших! Надеюсь когда-нибудь оказаться в их рядах.

На втором курсе мы уже старались смотреть спектакли «профессионально»: отмечали паузы, следили за мизансценами, угадывали режиссёрские ходы. Мы жаждали хорошей игры, точного слова и живого дыхания сцены. Только спокойное любопытство, никакого ража.

– Слышала, главную роль будет играть новый препод по сценречи, – шепнула Люба, когда свет уже погас и занавес вот-вот готов был подняться.

– А Грушницкая совсем плоха? – наша преподаватель по сценречи уже давно болела, и каждое занятие давалось ей с трудом. Директор давно искал ей замену.

– Ребята нашептали, что она уходит через два занятия и на её место берут какого-то мужика.

– Хоть бы был нормальный.

Тут занавес поднялся, и начался спектакль. И всё, что было из разряда «просто один вечер, который должен был стать полезным для учёбы», исчезло в ту же секунду.

Он появился не сразу – сначала голос. Низкий, спокойный, с той редкой внутренней опорой, от которой каждое слово будто обретало вес. Ещё толком его не видя, я уже почувствовала, как по спине прошёл холодок. А потом он вышел в свет, и зал будто незаметно втянул воздух.

Харизматичный, статный, уверенный – это было первым, что бросилось в глаза. А дальше он стал играть, и я впервые в жизни перестала анализировать спектакль. Замерла.

Этот артист действовал на сцене так, будто пространство принадлежало ему по праву, и даже молчание возле него начинало что-то значить. Он не играл злодея привычно, карикатурно, не прятался за эффектностью образа. Его Мориарти был страшен не жестом, не повышенным голосом, не нарочитой демоничностью. Он был страшен умом, спокойствием и точностью.

Техника восхитила меня сильнее всего. Его речь была безупречной: ясной, гибкой, музыкальной, и при этом совершенно живой. Ни одного «показанного» слова, ни одной случайной интонации. Он владел текстом так, будто не произносил его по памяти, а рождал прямо сейчас, здесь, на моих глазах.

«Какая же бедная у меня речь по сравнению с ним», – с ужасом подумала я.

Прошло минут тридцать спектакля, а я всё ещё не могла оторваться от него. Да, я смотрела только на этого артиста, даже когда на сцене происходило что-то ещё. Остальные не исчезали, нет, но рядом с ним будто становились частью орбиты. Он был центром тяжести спектакля; и чем дольше я на него смотрела, тем сильнее меня охватывало это странное, почти

болезненное восхищение – не только мужчиной, хотя и им тоже, а человеком, который сумел довести своё ремесло до такой степени свободы.

Я выдохнула и вытерла со лба испарину. Если это действительно наш будущий преподаватель, тогда я хочу научиться у него всему! Я верю каждому его вздоху. Да даже тишина у него звучит!..

Вдруг в одной из сцен этот артист подошёл слишком близко к нашей ложе. Я не спускала с него глаз, и он тоже наградил меня беглым взглядом. Но он посмотрел не поверх меня, как обычно смотрят артисты, а прямо в глаза.

У меня внутри всё дрогнуло так, будто меня коснулся оголённый провод. Будто между сценой и моим креслом внезапно протянулась тонкая горячая нить. Этот мужчина не улыбнулся, не изменил рисунка роли, не сделал ничего, что можно было бы назвать знаком симпатии. Но что-то в выражении его глаз дрогнуло, и у меня перехватило дыхание. Всё, я пропала. Меня увели в параллельный мир, центром которого был только он. Мне было жарко, потом холодно. Сердце то ускорялось, то замедлялось. Я не отрывала глаз от сцены и ждала, когда он посмотрит снова.

Когда спектакль закончился, зал взорвался аплодисментами. Все поднялись почти сразу, и я тоже встала, хлопая так сильно, что заболели ладони. Он вышел на поклон будучи уже не Мориарти, а актёром – человеком, который только что держал нас всех в плену два с лишним часа. И даже вне роли в нём оставалась та же притягательная собранность, та же сила присутствия. Он поклонился, поднял голову и ещё раз скользнул взглядом по нашей ложе. Снова задержал на мне взгляд чуть дольше, чем должен был...

Тогда была очень холодная осень, но я её не чувствовала. Во мне всё ещё звучал его голос, всё ещё жила его речь – точная, сильная, завораживающая. Что со мной? Я никогда так никем не восхищалась. Это какие-то новые состояния... Влюблённость, что ли? Да нет, бред, такого не бывает.

Бывает или не бывает, но в ту ночь я не могла уснуть...

– Егор Дмитриевич Коростелёв, – представился наш новый преподаватель, на спектакле которого я была неделю назад. Низкий медовый голос пронёсся по аудитории, вызывая у меня новую порцию мурашек.

Стройный, слегка атлетичного телосложения, примерно под метр восемьдесят. Тёмные глаза, чёрные кудрявые волосы, худое скуластое лицо, лёгкая щетина. Вблизи я ещё больше оценила его красоту.

Без сценического костюма и грима, с папкой в руках, он был просто обычным человеком. Или необычным?.. После спектакля я часто думала о нём и хотела не только любоваться им вблизи, но и выудить все приёмы, которые сделали его игрой такой совершенной.

– С этого дня я буду вести у вас сценическую речь, уважаемые студенты, – сказал Егор Дмитриевич. Он был сдержан, в нём не было ни капли суеты.

Потом Коростелёв поднял взгляд от списка и начал смотреть на нас по одному – спокойно, внимательно, профессионально. Когда его глаза дошли до меня, у меня внутри всё сжалось.

Егор Дмитриевич меня узнал. Его взгляд задержался едва заметно дольше, чем на других. Клянусь, в этом взгляде мелькнул живой интерес и любопытство! А потом он спокойно отвёл его дальше, будто ничего не произошло.

Этот взгляд подействовал на меня нездорово.

Я уже неделю думала об этом артисте в контексте мужчины, а не профессионала, и это меня пугало. Зачем мне это? Я давно мечтала построить блестящую карьеру театральной артистки, поэтому с лёгкостью отметала всех парней, которые хотели втянуть меня в отноше-

ния. И это была моя сильная сторона: я умела противостоять чувствам и желаниям. Но тут... я будто опустилась в тёмный омут с головой, из которого не могла выбраться.

И, наверное, эти беспорядочные чувства и сбили меня с толку, когда началось занятие. Я натянулась, как струна. Егор Дмитриевич говорил о дыхании, об опоре, о том, что слово не существует отдельно от мысли, а мысль – отдельно от внутреннего действия. Он произносил вещи, которые мы слышали и раньше, но рядом с ним они вдруг переставали быть учебными формулами. Всё, о чём он говорил, оживало. В его объяснениях не было сухости, только точность, и ещё редкая требовательность к смыслу.

– Не произносите слова, если не знаете, зачем они вам нужны, – сказал он, проходя вдоль первого ряда. – Пустой звук никто не обязан слушать. Ни на сцене, ни в жизни.

Потом начались упражнения. Мы вставали по одному, работали с дыханием, согласными и текстом. Обычно на таких занятиях я чувствовала себя уверенно. Но сейчас у меня предательски пересохло во рту...

Когда дошла моя очередь, я поднялась слишком резко, но Егор Дмитриевич наградил меня спокойным, мягким взглядом, мол, тебе нечего бояться. – Начинайте, – сказал он.

Я начала. И лучше бы я этого не делала... Мой голос, всегда чёткий и ясный, звучал выше, чем обычно. Как будто я говорила не своим настоящим голосом, а позаимствовала писк у насекомого. Наверное, я сильно покраснела. Коростелёв не спускал с меня внимательного взгляда, под которым я становилась более уязвимой. А потом меня резко затрясло, и я села, чтобы ноги меня не подвели.

Однотруппники изумлённо зашептались. Конечно, заучка Пелагея вдруг облажалась. Что-то тут нечисто... Уверена, что после пары они начнут меня «женить» на новом преподае.

Коростелёв сделал шаг ближе. – Вы прячете звук, – сказал он. – Не текст. Себя.

– Я знаю, – прошептала я. Боялась, что голос снова подведёт, если заговорю вслух. – У вас хороший тембр, Пелагея, но вы ему не доверяете. Попробуйте не понравиться. Попробуйте просто быть точной.

– Я могу быть точной, но... не сегодня.

Егор Дмитриевич кивнул. А я почувствовала это, как поддерживающее прикосновение. Не стал меня мучить, как другие препода, дал возможность расслабиться.

Дальше Коростелёв продолжил читать лекцию. А я всё ещё не могла успокоиться: этот понимающий жест вкупе с его идеальной подачей себя как профессионала зажигал во мне новые оттенки чувств. Я уже даже не сопротивлялась, а позволяла течению нести меня туда, куда оно хочет. Мне хотелось слушать этого мужчину бесконечно: смотреть, как он работает, как ставит задачу, как почти незаметно меняется его интонация в зависимости от того, кого он поправляет. В нём не было преподавательской игры в авторитет, он был ему не нужен, его и так слушались. Ведь за каждым замечанием стояло настоящее знание и прожитое мастерство.

Когда пара закончилась, все потянулись к дверям. Я тоже схватила вещи и собралась бежать без оглядки, чтобы наконец оказаться в тихом месте и успокоиться, но Коростелёв меня остановил: – Малинина, задержитесь.

Я остановилась сразу. Последние однотруппники уходили из аудитории, удивлённо озираясь на нас. Понимаю: я бы тоже удивилась, если бы отличницу попросили остаться после пары. Да ни один преподаватель никогда не просил меня остаться после занятий!

Мы остались вдвоём, и тут я обернулась к доске. Егор Дмитриевич стоял у стола, неторопливо закрывая папку и убирая её в сумку. И тут, наконец, он поднял взгляд. В нём царило ледяное спокойствие.

Я не подходила ближе, а стояла посреди аудитории. – Я вас помню, Пелагея: вы были на «Мориарти», – сказал он.

У меня вспыхнули щёки. – Да, – ответила я тихо, – была.

На секунду повисла пауза. Совсем короткая. Но в ней опять возникло то самое странное ощущение натянутой горячей нити между нами.— Я так и подумал.

Мне хотелось сказать что-нибудь умное и спокойное. Хотя бы поблагодарить за спектакль, за роль или за сегодняшнее занятие. Но все приготовленные слова вдруг застряли тугим комком в горле.— Это было... очень сильно, — выговорила я наконец. — Я не могла забыть.

Егор Дмитриевич посмотрел на меня внимательнее. Чувствовал, что в этих простых словах было больше, чем я сказала?...— Хорошо, — ответил он после короткой паузы. — Значит, не зря работали.

И потом, чуть мягче:— А на занятиях постарайтесь не зажиматься.

— Это недоразумение! — выпалила я. — Я вообще отличница, просто... — я не знала, как закончить. Просто вы меня заколдовали, как чёртот Кот Баюн?

— Просто вам нужно ко мне привыкнуть, — закончил за меня Егор Дмитриевич и улыбнулся тёплой, почти отеческой улыбкой. Затем подошёл поближе и легонько похлопал меня по плечу. — Всё образуется, Пелагея. Главное, не ругайте себя, отпустите ситуацию.

Я опустила глаза на его руку. Крепкая ладонь с мягко выпирающими костяшками, которая согревает так же, как чашка какао в морозный день.

Я не удержалась и коснулась руки мужчины своей. Легонько провела кончиками пальца от начала фаланги большого пальца до запястья. Внутри мне рвали грудь одновременно страх и победное торжество. Я коснулась того, о ком мечтала всю эту неделю. Того, кто впервые в жизни серьёзно обратил моё внимание на себя. Того, в кого я начинала потихоньку влюбляться.

Удивительно, но Егор Дмитриевич меня не остановил. Он выжидающе смотрел на то, что я делаю, а когда я мягко одёрнула руку, он слегка хмыкнул и произнёс:

— Увидимся на следующем занятии, Пелагея, — убрал руку и спокойным шагом покинул аудиторию.

У меня дрогнули колени. Я только кивнула. Боялась, что, если скажу хоть слово, то пропаду.

Через пару мгновений я тоже вышла из аудитории и остановилась в коридоре, где толпились одноклассники. Боже, лучше бы они не стояли здесь, наверняка подметили мою бледность и бегающий взгляд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.